

ТЮТЮХА

– Давай-давай! Крути педали! Ну крути же ты педали!

Тяжело дыша, отец трусцой бежал рядом с велосипедом, придерживая его одновременно за багажник и за руль. Оля, вцепившись в руль мокрыми липкими ладонями, обмирала от страха. Она впервые сидела на таком высоком велосипеде, и ей было неудобно и неестественно. Болели плечи, лопатки, ладони. Каким-то странным, ненастоящим способом двигались ноги. Страшнее всего было на поворотах: если бы отец отпустил один только руль или один только багажник, Оля точно бы плашмя упала на землю вместе с велосипедом, не разжимая рук. Как сидела, так бы и упала, будто кукла.

Отец вёз велосипед с Олей по липовой аллее. Парк звенел голосами, тарахтел далёкой газонокосилкой. Птичий щебет наполнял небо. После ночного дождя трава была мокрой, с деревьев сыпались капли, велосипед оставлял за собой мокрый змеистый след. Влажный чайный запах липы прилип к нёбу и щекотал ноздри.

Оля закрыла глаза и снова их открыла: ехать зажмурившись оказалось куда страшнее, чем смотреть на дорогу перед собой, хотя там то ка-

мень, то лужа, то участок разбитого асфальта, а то и вообще – голуби, которые совершенно не боялись людей и лезли под колёса.

– Ты расслабься, – сказал отец.

Оля кивнула, крепче вцепилась в руль и сжала зубы. Всё в ней, даже брови, даже пальцы на ногах, было напряжено, как тугая пружина.

Левая нога соскользнула с педали; крутанувшись, свободная педаль в очередной раз ударила под коленкой.

– Остановись, хватит! – взмолилась Оля. – Перестань, всё, всё! У меня уже руки болят!

– Ну хорошо. Если тебе так сильно надо, давай передохнём.

В голосе отца ей послышались нетерпение и раздражение. Будто она снова не могла сделать то, что с рождения умеют все нормальные люди. Не села и поехала, как он вчера обещал, а обрела его на вот такие страдания.

Оля отвела велосипед с дороги и прислонилась к дереву. Она начинала ненавидеть эту ничёмную неудобную, непослушную железяку. С чего родители решили, что она хочет получить на день рождения велосипед? Она никогда и не заикалась о нём. Она хотела дом для Барби, машину для Барби, Кена для Барби, джинсовую

юбку, хомяка, серёжки кольцами, как у Риты, лак с блёстками и много новых книжек, но лучше всего – дом для Барби. Велосипед же стоил дорого, слишком дорого для подарка, и поэтому Оля безуспешно пробовала радоваться чужой, возможно, так и несбывшейся мечте.

– Я не хочу больше, давай лучше завтра, – попросила Оля. – Я устала, я не понимаю уже ничего. Ни руки, ни ноги не слушаются. Я хочу понемногу тренироваться: полчаса сегодня, полчаса завтра....

– Если завтра, то это без меня. У тебя уже почти получается! Давай я тебя подтолкну, а ты сразу начинай быстро крутить педали.

– Я упаду тогда сразу!

– Не упадёшь! Когда быстро едешь, велосипед сам удерживает равновесие. Главное – не бояться и ехать как можно быстрее. Тогда гораздо легче. Понимаешь? Села – и поехала, поехала, поехала. И всё! Считай, научилась. Дальше – просто рули. Руль тебе на что? Невелика наука.

Оля смотрела на него исподлобья.

– Это же не высшая математика, – продолжал отец. – Видишь, люди катаются? Дети, даже младше тебя, и не боятся. И с тобой ничего не случится.

– Но я упаду! – повторила Оля.

– Упадёшь – встанешь, – как-то слишком равнодушно ответил отец. – Все сначала падают, когда учатся кататься. Ничего страшного. А как же ты ещё хочешь научиться?

– Может быть, я и не хочу!

– Ты же всегда мечтала о велосипеде! – напомнил он с упрёком.

– Нет! – выпалила Оля. – Вот уж о чём я точно никогда не мечтала!

– Тогда идём домой!

«Идём!» – хотела сказать Оля. Вместо этого она встряхнула ладони, на которых остались красные следы от руля, ту же затынула шнурки на кедах и, поплевав на руки, стёрла с ног грязные отметины педалей. Во рту пересохло. Хотелось газировки, холодной, без сиропа, и невдалеке как раз стоял автомат, но просить у отца монетку было не время.

– Давай я сейчас сама попробую, без тебя, – попросила она.

– Да, пожалуйста.

– Только ты на меня не смотри.

– Не буду.

– Я хочу, как вначале, просто ногами толкаться.

– Давай хоть как-нибудь. Хочешь толкаться – толкайся. Хоть что-то уже делай. Не будь как тютюха! – он снова вспомнил старое семейное ругательство корнями из детства одного толстого и неуклюжего мальчика, любимый упрёк деда, выплёвываемый им со стыдом и презрением. Оля боялась, что обидное домашнее слово узнают в школе или во дворе – это была бы катастрофа.

Отец отошёл в сторону и коснулся ладонью липкой спинки скамейки. Трава вокруг скамьи была усеяна оранжевыми каплями. Прислонившись к дереву, отец отвернулся от Оли и достал из кармана ветровки свёрнутый трубочкой исторический журнал «Родина».

Оля, не оглядываясь на него, вытащила велосипед на середину дорожки и села на край седла, одну ногу поставив на педаль, второй касаясь асфальта. Оттолкнулась – полметра проехала, остановилась. Ещё раз оттолкнулась – проехала ещё метр. Так почти не было страшно. Когда нужно было повернуть, Оля притормозила ногами, слезала с велосипеда и вручную переставляла его в нужном направлении.

Оля пробовала крутить педали обеими ногами, как предложил отец, и тут же завалилась на бок, едва успев выставить ногу и затормозить. Она почувствовала на себе оценивающий отцовский взгляд, и оттого, видимо, стало получаться ещё хуже, чем в самом начале.

– Ты педали-то крути! – услышала она крик. – Обе ноги – на педали и рули!

– Я не могу рулить, он куда хочет, туда и едет!

– Так ты руль крепче держи!

– Я не могу крепче!

– Ты хочешь научиться или нет?

– Я же сказала: не смотри на меня! Я же тебя попросила по-человечески!

Оля притормозила обеими ногами. На них стали оглядываться.

– Я лучше сама буду учиться! Как мне удобно, так и буду! Ты только хуже всё делаешь! Мне же привыкнуть надо, а ты всё – рули, крути! Отстань от меня уже! Я одна хочу! Если не можешь не смотреть на меня, то вообще уходи домой!

Наконец Оля отъехала достаточно далеко, чтобы ругаться с отцом в полный голос. Она докатила велосипед до мелкой речки на краю парка, прислонила его к парапету и уселась рядом. «Дурак», – тихо сказала Оля и, распробовав, повторила громче, отвернувшись к реке. Она больно ущипнула себя за руку, потому что слёзы застилали глаза. Она не могла отвлечься от стыда,

который, как чёрный перец, щекотал в носу. Такая вот она уродилась. Ни на лыжах, ни на роликах, ни не велосипеде. Плакса, кулёма, тютюха и вообще.

Вчера вечером, когда было уже больше десяти, они вышли с велосипедом во двор. Отец обещал Оле, что она сядет и поедет, но у неё не получалось: она только повизгивала от страха. Потом попросилась прокатиться Рита, которая как раз всегда мечтала о велосипеде. Дела у неё сразу пошли как нельзя лучше, и отец, увлечённый, отправил Олю домой отдыхать до завтра и принял заучить Риту. Оля с балкона смотрела, как Рита сама едет на её, Олином, новом велосипеде, и задыхалась от зависти. Когда утром они встретили Риту во дворе, Оля сделала вид, что не заметила её. Прощать Риту она не собиралась.

«Если ты думаешь, что я тебя люблю, то ты ошибаешься, – сказала Оля без злости, чтобы послушать, как звучат такие слова. – Ты всегда делаешь так, чтобы мне было хуже. Молчишь? Вот и молчи. Всё равно сказать тебе нечего. Я же изо всех сил, а ты... Я же не могу так сразу. Подождать не в состоянии, да?»

С реки дул ветер; во рту было горько. Вокруг ходили люди и голуби. Из-за деревьев виднелся списанный самолёт «Антошка», вдалеке со скрипом раскачивались высокие качели-лодки.

Оля вскарабкалась на велосипед и, осторожно толкаясь ногами, поехала обратно к отцу. Она хотела, чтобы он посмотрел, как она старается, и наконец-то похвалил её.

Отец, погружённый в чтение, стоял там же, где Оля оставила его.

– Смотри! – закричала Оля издали. – Папа, смотри! У меня уже получается!

Она поставила ноги на асфальт и, несколько раз оттолкнувшись, поймала педали и смогла доехать почти до отца. Он аккуратно скрутил журнал в трубочку и только тогда посмотрел на неё.

– Отлично, – кивнул отец.

– Ты видел?

– Да.

– Ты видел, видел? Правда видел? Ты же читал, ты на меня не смотрел!

– Да видел я, как ты толкаешься ногами. Елозишь кое-как. Смелее надо быть, я же говорил. Чем ты быстрее крутишь педали, тем проще тебе ехать. Знаешь, как меня брат учил кататься? Мне куда меньше было, чем тебе. Поднялись мы с

ним, значит, на гору. Ну это мы её называли горой, на самом деле такой пригорок с пологим склоном, зимой там на санках катались. Я сел на велосипед, Леха говорит: «Держись только крепче».

– И ты не боялся?

– Нет, тогда ещё я не знал, чего бояться. Разогнал он меня и как отпустит... Я полетел, будто стрела из лука, – отец улыбался. – Сперва на велосипеде, потом кубарем вниз, вместе с велосипедом, до последнего за руль цеплялся. Всё себе отбил, всё было в синяках. Но знаешь, а ведь Лёха сильней, чем я, перетрусил. Думал, я мёртвый. Я тоже не сразу понял, что я не мёртвый, но я специально лежал с закрытыми глазами, не двигаясь, старался не дышать, чтобы ему стало стыдно. И только когда он заревел, я схватил его за ногу. Зато на следующий день я уже один пришёл на пригорок и съезжал с него, пока не научился. Если понять, как сохранить равновесие, то велосипед держит тебя сам, я же тебе говорю: надо просто как следует разогнаться.

Оля слушала, опустив голову.

– А ещё, – увлёкся отец, – всех нас примерно так же учили плавать. Такая была традиция: отплыть на лодке на глубину и столкнуть пацана в воду. Я, помнится, заранее подозревал, чем всё закончится, и цеплялся, сопротивлялся. Дядька сказал, вёл себя как баба. В общем, меня вытащили, как ты понимаешь, откачали, но я до сих пор не люблю плавать и к лодкам отношусь довольно-таки настороженно.

– Я пойду ещё потренируюсь, – сказала Оля, подняв велосипед. Её обида ещё не прошла, она не хотела смотреть на отца, но продолжала ждать его похвалы.

– Ты так можешь очень долго тренироваться. Садись давай, я тебя разгоню.

– А потом отпустишь?

– Не отпущу.

Оля не поверила:

– А я знаю, что отпустишь. Не надо меня разгонять, я сама.

– Да не бойся ты. Соберись. Сама себе скажи: «Я не боюсь, я могу, я не трусиха, я не тютюха!»

«Сам ты тютюха», – сказала Оля, отъехав на несколько метров от него. Тело начало привыкать к велосипеду, и удерживать равновесие становилось проще. Оля снова ехала к реке, отталкивалась и старалась проехать как можно дальше.

Время близилось к полудню, день, начавшийся дождевой прохладой, разогрелся, разгулялся.

Плечи, с утра озябшие, сейчас будто обнимало тёплыми ладонями. Оле хотелось забраться на опору моста, усесться в гулкой тени и, слушая, как над головой проезжают машины, сидеть там одной, пока не пройдёт обида на отца.

Она доехала до моста. Здесь дорога была ровнее, людей меньше и ехать оказалось проще. Оля уже могла проехать дальше, не тормозя ногами от страха. Она уехала далеко от отца, так что он не мог её видеть, но ей по-прежнему казалось, что он бежит за её спиной и кричит: «Давай-давай! Крути педали! Держи руль крепче!».

Оля усерднее крутила педали, крепче цеплялась за руль и снова крутила педали, но отец не отставал.

– Трусиха!

– Тютюха!

– В кого ты такая?

Чем скорее она ехала, тем быстрее он бежал за ней. И кричал тем громче, чем Оля пробовала заглушить в себе его голос. Она про себя твердила слова всех подряд песен, пришедших ей в голову, а он всё бежал. Сердце стучало в ушах, спина была мокрой, тёплый ветер дышал в лицо. Ехать быстро оказалось ещё страшнее: теперь не Оля ехала на велосипеде, а велосипед вёз её, как ему вздумается. Олю просто несло на нём вперёд, и, сказать по правде, это было здорово.

Оля наехала на камень, не удержавшись, перелетела через руль и спиной упала на траву. Кажется, она не сразу вспомнила, как дышать. Ничего не болело, но тело было будто тряпичным, причём сшитым из отдельных лоскутов, и если резко встать – оно начало бы расползаться на лохмотья. Оля по очереди вспоминала про каждую свою руку и ногу и осторожно шевелила ими, опасаясь вспышки боли.

– Расшиблась? Или ничего? – спросил кто-то.

– Ничего, – ответила Оля, приподнялась на локтях и, подтянув ноги, села по-турецки. Покрутила головой. Ныла шея. Чудилось, будто солнце не на своём месте, и вообще всё виделось как через тонкую плёнку. Велосипед тоскливо валялся на дорожке, грязный, целый и бесполезный. Оля подумала, что никогда больше на него не сядет. Ни к чему ей это. Жила без велосипеда прекрасно – и пусть так будет дальше. Всё равно её никогда не отпустят кататься дальше парка у дома.

Оля с опаской подняла велосипед и медленно повела его назад, по пути высматривая отца.

Где он отстал, в какой момент перестал бежать за ней, она не знала и не могла понять, хочет ли она, чтобы он пожалел её, или лучше не надо. Мама бы стала её ругать, отец, скорее, начал бы её дразнить.

Ветер утих, солнце припекало всё сильнее, плавало асфальт, нагревало макушку до головной боли, гнало домой. Над рекой, обдатой жарой, стоял душный запах грязи, тёмные водоросли льнули к берегу. На низкое раскалённое небо было больно смотреть.

Когда Оля добралась до дерева, у которого оставила читающего отца, его там уже не было, но журнал «Родина» распротёрто и молча лежал на краю выкрашенной скамейки.

Оля заозиралась, завертелась волчком. Вместо прохожих Оля видела только их горячие тени на асфальте. Голова разболелась так, что не разобрать было, где люди, а где их тени, но ни одна из теней не была похожа на отца. Всё вокруг увеличилось, расширилось, стало ещё невнятнее. Как будто Оле было снова – и навсегда – четыре года и она потерялась – навсегда – в огромном и незнакомом парке среди страшных людских теней.

Наконец она разглядела фигуру, похожую на отца, на аллее, что вела к выходу из парка. Оля вскочила на велосипед и, ни разу не остановившись, не думая о своём страхе, пустилась за ним вдогонку.

Отец шёл медленными шагами, ссутулив плечи. Ветровку он нёс в руках, брюки его были в оранжевых разводах, шея блестела от пота. Он шёл и, слышала Оля, что-то бубнил себе под нос. Оля на велосипеде пристроилась за ним и тренькнула звонком. Руль дёрнулся в сторону, Оля затормозила ногами и ещё раз позвонила. Отец не оглянулся и ничего не сказал, но развернул плечи и вынул руки из карманов. По его затылку стало понятно, что он улыбался.

МАДАМ ЛЕНОРМАН

Собирались долго: Варя пришла последней. Надя и Оля ждали её, стоя за остановкой в прямоугольнике тени и начинали злиться за впустую потраченное время. Им пришлось пропустить уже два автобуса. Лица быстро становились влажными, пот собирался в ложбинке над верхней губой. Надя додумалась надеть новые джинсы, и теперь они прилипали к мокрым ногам. Жара стирала все мысли и желания.

Солнце третью неделю подряд било в землю с утра и до вечера. За много километров отсюда горели леса, город с каждым днём всё глубже погружался в едкий запах гари, проникающий в квартиры и противным привкусом оседающий в горле. Гулять старались только в сумерках. Собраться вместе было сложно: Наде приходилось безвылазно сидеть на даче, и Оля не видела её уже три недели.

Варя появилась не с той стороны, откуда её ждали, одетая в короткую джинсовую юбку и самую модную майку с «Титаником». Она отрезала чёлку на два пальца выше бровей и, кажется, стеснялась её. Все делали вид, будто ничего не заметили.

Как раз подошёл автобус. Ехать предстояло долго. Девочки стояли на задней площадке и смотрели, как рвётся из-под колёс и убегает вдаль дорога, вдоль которой кренились в разные стороны пожилые низенькие домики частного сектора. По стеклу елозила одурманенная жарой оса. Далеко на горизонте дымили трубы.

– Ты точно помнишь, куда ехать? – на всякий случай спросила Надя.

Варя похлопала ладонью по сумке:

– У меня газета с собой. Найдём.

– Покажи мне ещё раз.

Надя, развернув газету на нужной странице, прочитала вслух:

– Мадам Ленорман. Сильнейшая потомственная гадалка и ясновидящая. Карты Таро раскроют завесу вашего будущего! Полный расклад. Прогноз отношений. Ответы на все вопросы.

Оля заглянула ей через плечо, чтобы ещё раз посмотреть на фотографию гадалки. Надя непроизвольно закрыла объявление рукой, как от чужих глаз. Оля отошла от остальных и забралась на перегретое солнцем сиденье. Из ведра старухи, сидящей рядом, тянуло земляникой. Оля уже жалела, что поехала с девчонками. Вся эта идея была глупостью. Она посмотрела на них: Надя одной рукой обнимала Варю за талию, что-то нащёптывая ей на ухо, и они засмеялись своим самым неприятным общим смехом.

Оля едва не пропустила момент, когда надо было выходить, – Варя с Надей, не оглядываясь на неё, выпрыгнули на остановке. Оля кинулась за ними, чуть не осталась в автобусе.

– Вы чего меня не подождали? Я-то откуда знаю, где надо выходить?

– А я думала, ты знаешь, – пожала плечами Надя. Варя кивнула.

– Мы говорили об этом в автобусе, – сказала она. – Если бы ты стояла с нами, ты бы услышала.

– Можно было бы и сказать. Хоть бы мне крикнули, что ли.

– Ничего же не случилось, – сказала Надя, вытирая ладонью потный красный лоб. – Ты опять как эта... Прекрати. Дай мне лучше попить.

– Подожди, я сама хочу.

Оля была единственной, кто захватил с собой воду в бутылке. За время пути вода успела нагреться, и пить её было не очень приятно. И всё равно Оля, запрокинув голову, долго, через силу пила тёплую, отчего-то сладковатую воду.

– Хорош уже! – не выдержала Варя.

– Я ещё не напилась, – ответила Оля и сделала ещё два больших глотка. Стало противно и в животе, и в горле. Она передала Наде бутылку, в которой вода плескалась на донышке.

– Напилась – веди себя прилично, – сказала Надя.

– А я не буду, – глядя исподлобья, обронила Варя. – Она слюней туда напускала.

Надя сделала вид, что не расслышала, и допила остаток.

– Спасибо, – выдохнула она.

Оля пожалела, что не оставила ей больше – Надя сильнее остальных сомлела от жары.

Варя ещё раз прочитала название улицы.

– Это где-то рядом, я помню. Вон то здание за перекрёстком – больница, мне там аппендицит вырезали, – Варя задрала майку и в очередной раз показала всем незагорелый шрам на животе.

Они пошли, куда указала Варя, в сторону серой квадратной больницы. Тротуар был узким, втроём не пройти, и Оля шла сзади. Точнее, сначала она шла с Надей, но сама не поняла, как снова оказалась на шаг позади, потом и вовсе отстала – два дня назад она натёрла ногу, теперь пластырь сбился, ремешок сандалии натирал нежное место на пятке, где лопнул пузырь, и пришлось его расстегнуть. Оля не слышала, о чём они говорят, и только отдельные фразы долетали до неё – про жару, про больницу, где было как в тюрьме, и про Риту, которая танцевала на конкурсе.

Оля буравила взглядом Надину спину и твердила про себя: «Повернись, подожди». Она подумала, что идёт так до первого поворота, а там – пойдёт обратно, если Надя не обернётся. Сколько же можно. И Надя, почувствовав её взгляд, остановилась, почесала плечо и крикнула:

– Догоняй, ты чего тормозишь!

Оля подбежала и сказала:

– У меня вон кровь идёт, я сейчас.

Она сорвала с газона листок подорожника и приложила его к пятке. Варя в нетерпении переминалась на месте, обмахиваясь газетой. Её длинные загорелые ноги были покрыты синяками и комариными укусами.

* * *

Солнечный свет струился неистово, на белёсое небо глазам было больно смотреть, от мягкого асфальта припекало ноги. Воздух походил на прозрачный бульон. Людей на улицах почти не было, и даже бочка с квасом стояла сама по себе. Если бы не редкие машины, то могло показаться, что во всём городе больше не осталось ни одного человека. Все ушли. Оля часто представляла себе, как просыпается, а в городе – никого.

– Как в кино, да? – сказала Надя. – Город такой пустой, незнакомый.

Город и впрямь казался придуманным. Вдоль дороги теснились разноцветные трёхэтажные дома с облупившейся штукатуркой. Сквозь асфальт пробивалась трава. Магазины были закрыты будто навсегда. Если остановиться и прислушаться, начинали слышаться чужие шаги, хотя больше никого на улице не было. Тощая чёрная тень проскользнула через решётку в подвальное окошко.

Варя остановилась и сверилась с газетой:

– Дом восемнадцать. Это здесь.

Девочки свернули в маленький квадратный двор и пробежали под бельём, сохнувшем на верёвках сразу за старой, ржавой, косоногой детской площадкой.

Клумбы пестрели цветочной мозаикой. Вверх уходили розовыми стрелами мальвы. С каждого балкона свисали простыни, наволочки или подгузники. В окне первого этажа между денежным деревом и пустой глиняной вазой недвижно, словно в витрине, сидела изящная сямская кошка. Варя подошла ближе и, подняв руку, помахала ей, сделала козу, но кошка и ухом не повела.

– Чур, я первая! – сказала Варя.

– Почему это снова ты? – поспешно отозвалась Надя.

– Потому что я всё это придумала! Оля, скажи, правда ведь, я это придумала?

Обе с ожиданием уставились на Олю. Той казалось, что идея была Варина, но она уже начала сомневаться.

– Чего ты молчишь, скажи уже! – торопила Варя.

– Кажется, она, – Оля показала на Надю.

– Всё с вами понятно.

– Да ладно, Варь, ты чего! – расстроилась Надя. – Конечно, иди первая! Какая разница, кто всё придумал! Даже если и я! Если бы не ты, мы бы ещё три года собирались!

– Это точно, – отозвалась Варя. Она одёрнула на себе майку, из-под которой торчали ядовито-бирюзовые лямки лифчика, стряхнула с юбки невидимые пушинки.

– Зеркало у кого-нибудь есть? – спросила она. – Я, кажется, забыла.

Надя протянула ей пудреницу, и Варя долго, по сантиметру, рассматривала в ней оливковое от загара, вспотевшее, кажущееся грязным лицо.

– Я прочитала, как веснушки выводить, – начала она и сама себя оборвала. – Потом расскажу.

Варя возвратила пудреницу и снова поправила спадающую бретельку каким-то особенным, своим движением, и Оля вдруг подумала, что она точно нравится мальчикам. По одним девочкам сразу ясно, что они хотят нравиться, а по другим – что нравятся, пусть даже они не понимают это сами. Когда они прогуливались втроём по центру, то знакомиться подходили именно к Варе, иногда даже старшие мальчики из колледжа. А Оли словно не только рядом с Варей не было – а и вообще никогда не существовало. Ей казалось, что так будет всегда.

Когда Варя скрылась в подъезде, девочки выждали минуту, переглянулись – и бросились за ней следом.

* * *

Внутри оказалось пусто и прохладно, пахло штукатуркой и сырой картошкой. Девочки поднялись на верхний, третий этаж и спустились; Вари не было. Похоже, что она не струсилась и не придумала отсидеться в подъезде.

Надя ловко подцепила из почтового ящика бесплатную газету и проворно её перелистала. Оля разглядывала ту газету, что они везли с собой. Из интересного были только анекдоты и телепрограмма. Всё остальное было обычным – люди продавали и покупали квартиры, автомобили и гербалайф.

– А ты тоже пойдёшь? – спросила Оля.

– Я не знаю. Я не хочу вообще-то, – призналась Надя.

– Я тоже не хочу, я уже не верю в такое.

– А я не то чтобы не верю... Когда Рита была маленькая и все время орала, никто не мог понять почему, её носили к бабке, которая помогает. Она что-то сделала, и Рита правда орать перестала. Ещё она сказала маме, что... ну, что я есть. Хотя мама, говорит, об этом ещё не знала. И всякое другое говорила, что сбылось потом.

– Здорово.

– И я вот думаю: мне сейчас всю жизнь расскажут. Не что будет по русскому за год, а по настоящему. А мне-то что потом делать, если не понравится? Если я вообще должна умереть завтра, что тогда?

– Не знаю.

– И я не знаю.

– Можно просто, наверное, не поверить.

– А как ты не поверишь? Можно себе сказать, что не веришь, но всё равно же что-то будет мешать. Я думаю, лучше вообще туда не идти.

– Я тогда тоже не пойду, – поспешила сказать Оля. – Только давай сразу так Варю и скажем, что мы передумали. Пусть что хочет, то и говорит, мы не пойдём и все. Главное, чтобы вместе.

На третьем этаже хлопнула дверь, и, прыгая через несколько ступенек, вниз сбежала Варя.

– Пойдёмте скорее отсюда, – закричала она. – Сейчас я вам всё расскажу!

– А мы когда? – спросила Надя, но Варя уже распахивала дверь подъезда. Пробежав за ней через двор, девочки остановились за углом соседнего дома, где начинался заросший бурьяном пустырь. Вдалеке виделись остатки сгоревших домов.

Отдышавшись, Варя начала:

– В общем, прихожу я такая... Открывает девочка немного старше нас. Говорит: «Вы к кому?» Я ей: «Я по объявлению». Она смотрит на меня с подозрением и говорит: «Бабушка вообще-то детей не принимает». Я сказала, будто мне пятнадцать и у меня серьёзный вопрос. Она мне: «Типа любит ли тебя Андрей Губин?» Я, разумеется, обиделась. «Нет, – говорю, – по настоящему серьёзный вопрос. Я хочу всё про свою жизнь знать, в чем её смысл». Так и сказала. Она подумала: «Ну подожди». И усмехнулась так ехидно. Я в коридоре села на табуретку, сижу жду, по сторонам гляжу. Интересно же, как у неё дома. А у неё, оказывается, шкаф в коридоре такой же, как у нас дома. Туфли стоят обычные – чёрные, старые. У зеркала на полочке – духи, у Гали тоже такие есть: «Ив Роше», невкусные, бывают намного лучше духи.

Варя снова подняла спавшую бретельку и одёрнула футболку.

– А дальше? – не утерпела Надя.

– Дождалась. Выходит тётка. Люди, честно, я не ждала, что она будет как на фотографии. Но она вообще тётка, девочки. Вот будто на рынке с солёными огурцами. Я даже растерялась сначала. Она меня рассмотрела всю вот так, – Варя прищурилась и уставилась на Надю. – И спросила, кто я такая и почему без звонка.

– А ты?

– Это ещё не все: она была не одна. Ни за что не догадаетесь, кого я там встретила.

– Да говори уже, не томи.

– Ладно, только это правда. Я не сочиняю, я правда её видела. Дверь в комнату была открыта, а на диване сидела... Изотова.

– Врёшь, – вырвалось у Нади.

– Костюмчик сиреневый, волосы вот такой каралькой, как на уроках.

В прошлые годы Изотова вела у всех девочек труды, под её руководством они стругали винегрет (Оля подвела команду, забыв принести зелёный горошек) и шили фартуки и ночные рубашки (Олина мама перешивала, как могла, но всё равно получилось так себе и пошло на тряпки). Изотова была молодой, некрасивой и раздражительной. Она боялась детей, когда их было больше одного, и от страха перед классом повышала голос. Её не любили. К счастью, в мае она ушла из школы.

– Она тебя видела? – спросила Оля.

– Да. И я убежала. Мне почему-то стыдно сразу стало, – призналась Варя.

– Врёшь, – снова сказала Надя.

Варя покраснела до слёз.

– Раз я вру, – сказала она тихо, – то и не ходите со мной больше.

– Варь, я не то хотела вовсе сказать! – зато ропилась Надя. – Зачем ты так? Не начинай!

– И я с вами тоже больше ходить не буду. Раз уж я вру. Всем всё понятно? – сказала Варя и зашагала через двор.

Надя с Олей переглянулись и пошли за ней.

Все шли молча. Когда Варя ускоряла шаг, Надя с Олей тоже прибавляли скорость, чтобы не терять её из виду. Она явно старалась идти и быстро, и красиво. Смотреть на неё было стыдно, хотя Оля не сказала ей ничего такого, за что могла бы извиниться. Она понимала, что её из-

винения совсем не нужны Варя и что, когда они вырастут, они не будут подругами. Не только Оля, что давно было ясно, но и Варя с Надей станут друг другу чужими. Оля чувствовала, как некая сила с каждым днём растаскивает их всех в разные стороны.

Когда вдали показался автобус, все они, не сговариваясь, побежали к нему и встали на задней площадке рядом, как утром. Когда Варя чуть не упала на резком повороте, она ухватила за Надино плечо, но сразу убрала руку.

Больше в тот день друг с другом они не говорили. Надя и Оля вышли у дома, а Варя поехала дальше. Оля смотрела на неё, пока могла различить её лицо в окне автобуса. Потом она по-

вернулась и поняла, что Надя уже ушла. На остановке Оля была одна. Она подождала следующий автобус и прокатилась на нём до конечной и обратно.

По дороге домой Оля увидела Надю у газетного киоска. Кажется, та покупала интересный журнал – Cool girl. Она хотела подойти к ней, но решила, что Надя тоже заметила её и на самом деле тоже не хочет с ней разговаривать. Проходя мимо, Оля поняла, что это не Надя, а совсем другая девочка, на Надю похожая разве что одеждой. Да, кажется, не Надя. В предвечернем, но всё таком же жарком мареве её черты расплывались и делались незнакомыми, чужими и почти что взрослыми.